

ПРИВАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го апрѣля

№ 7-й.

1895 года.

Б Е С Ъ Д Ы

на семь словъ Спасителя со креста.

Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Экзарха Грузіи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

4. *Боже мой, Боже мой; вскую мя еси оставилъ?*

До сихъ поръ мы выслушали, возлюбленные братіе и сестры, три слова любви, изреченныя Спасителемъ на крестѣ. Это — слово Его Первосвященнической молитвы за Своихъ распинателей: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ!* Слово Его царской милости и обѣщанія раскаявшемуся разбойнику: *аминь малою тебѣ: днесь со мною будешь въ раи!* И нѣжное человѣчески — трогательное слово сына и друга, которымъ Онъ и насъ всѣхъ послѣдователей Своихъ подѣ крестомъ Своимъ соединяетъ въ Своей любви: *Жено, се сына твоей! Се мати твоя!*

Такимъ образомъ Спаситель нашъ и въ самомъ разгарѣ Своихъ крестныхъ страданій забывалъ о Себѣ Самомъ, и, по любви Своей къ людямъ, думалъ о тѣхъ, которые имѣли нужду въ Его любви. Такъ прошло три часа Его страданій на крестѣ, но самое тяжелое и самое невыносимое мученіе было еще впереди. Священное Писа-

ніе сообщаетъ намъ еще четыре слова, сказанныхъ Иисусомъ Христомъ на крестѣ. Это — слова лица Божія, взявшаго грѣхи всего міра. Два слова борьбы и два слова побѣды сказалъ Онъ еще, прежде чѣмъ замолкли уста Его и Онъ, склонивъ голову, испустилъ духъ Свой. Объясненіемъ перваго изъ этихъ четырехъ словъ мы и займемся въ настоящій разъ.

*Отъ шестаго же часа тьма бысть по всей зем-
ли до часа девятаго. О девятомъ же часѣ возопи
Иисусъ, гласомъ велимъ, глаголя: Или, Или, ѿма
савахани; еже есть: Боже мой, Боже мой, вскую
еси меня оставилъ (Матѣ. 27, 45. 46).*

Ужасъ овладѣваетъ нами, возлюбленные братіе, когда слышимъ мы это крестное слово нашего Спасителя. Какая тяжесть страданія должна была заключаться въ душѣ Его, чтобы исторгнуть изъ груди Его этотъ страшный вопль! Онъ указываетъ намъ на такую таинственную глубину скорби, которой не измѣритъ никакой человѣческой мысли, и въ отношеніи которой всякое слово человѣческаго языка останется пустымъ. — Вотъ почему Самъ Всемогущій Богъ выступаетъ теперь на средину и говоритъ нѣмую, но сильную, потрясающую проповѣдь о страданіяхъ Своего возлюбленнаго Сына. *И отъ шестаго часа бысть мракъ по всей землі до часа девятаго.*

Никогда, когда Спаситель родился на землѣ, ночь сдѣлалась днемъ и слава Господня среди ночи осіяла Виодеемскихъ пастуховъ. Сегодня же, когда Онъ умираетъ на крестѣ, наоборотъ, солнце среди дня теряетъ свой свѣтъ, — день дѣлается ночью. Это не есть обыкновенное солнечное затмѣніе; потому что праздникъ Пасхи іудейской не могъ падать на время полнолунія. Это языкъ Всемогущаго Бога, которымъ Онъ Самъ проповѣдуетъ съ небесной высоты Своей. Вотъ почему всѣми, которые находились на Голгоетѣ, при крестѣ, овладѣваетъ страхъ; сразу умолкли и насмѣшки враговъ Христа; одинъ за другимъ разошлись они отъ чуда по домамъ своимъ; тихо и пусто стало на Голгоетѣ.

Но этотъ мракъ, распространившійся по землѣ, не есть только отраженіе состоянія міра, Спаситель котораго умираетъ на крестѣ; онъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ состояніе и Его собственной души;

ибо въ Немъ Самомъ, въ Его внутреннемъ мірѣ стало совсѣмъ не то, что было прежде. Какъ солнце тамъ, вверху, на небѣ потеряло свой свѣтъ, такъ и въ Немъ, въ душѣ Его стало темно. Что чувствовала святая душа нашего Спасителя въ продолженіи тѣхъ трехъ часовъ Его невыносимой борьбы, — это сокрылъ Онъ въ нѣжной любви къ Своей Матери и ученику, котораго любилъ Онъ, и только вѣчность можетъ вполне открыть это намъ. Молча, въ тихой, но сильной борьбѣ Своей души висѣлъ Онъ тамъ, на крестѣ Своемъ, до тѣхъ поръ, пока въ девятомъ часу ужасъ, овладѣвшій Имъ, не исторгъ изъ устъ Его страшнаго вопля: *Боже мой, Боже мой, вскую еси меня оставилъ?* Вопль этотъ произвелъ такое неизгладимо-сильное впечатлѣніе на учениковъ Его, что они воспроизводятъ эти слова Его на томъ самомъ языкѣ, на которомъ Іисусъ произнесъ ихъ: *Ілі, Ілі, ліма савахѳани!*

Это — вступительныя слова 21-го псалма, въ которомъ Давидъ изливалъ скорбь свою предъ Богомъ, когда, въ прообразѣ, пришли на его душу страданія, всю тяжесть которыхъ чувствуетъ здѣсь Тотъ, прообразомъ Котораго былъ Давидъ. Слова этого псалма изображаютъ крестныя страданія Господа Іисуса такъ наглядно, и съ такими мельчайшими подробностями — напр. прободеніе рукъ и ногъ, дѣлежъ одеждъ, метаніе изъ-за нихъ жребія, насмѣшки и издѣвательства враговъ, — что можно подумать, что псаломъ этотъ составленъ какимъ нибудь христіаниномъ послѣ того, какъ все это осуществилось уже на Христѣ. Спаситель восклицаетъ здѣсь только вступительными словами псалма не потому, что будто скорбь и изнеможеніе сдѣлали Его неспособнымъ говорить болѣе, но потому, что именно въ этихъ только словахъ находило полное для себя выраженіе та мука, которая тяготила Его душу. *Боже мой, Боже мой, вскую еси меня оставилъ?*

Спаситель жалуется въ этихъ словахъ, что Богъ оставилъ, забывъ, покинулъ Его. Что это значитъ, друзья мои? Значитъ то, что Онъ оставленъ былъ Его помощію, лишенъ проявленія силы и Божественнаго могущества, которыми Онъ пользовался до сихъ поръ со стороны Отца Своего. Изнуренный, беззащитный и безпомощный, Онъ предоставленъ былъ власти враговъ Своихъ. Вотъ состояніе, въ какомъ находился нашъ Спаситель въ этотъ часъ; Сынъ Человѣческой, какъ Самъ Онъ засвидѣтельствовалъ, предается въ руки грѣшниковъ. И ахъ, что стало изъ Него въ этихъ рукахъ человѣческихъ? Избитый,

оплеванный, окровавленный, терновымъ вѣнцомъ увѣнчанный, виситъ Онъ тамъ, — на древѣ клятвы, презрѣннѣйшій и униженнѣйшій, исполненный скорби и болѣзни, посмѣяніе людей и поношеніе народа. *Онъ уповалъ на Бога; пусть спасетъ теперь его Богъ, аще хочетъ его; ибо онъ говоритъ: я сынъ Божій!* Но Богъ не хочетъ его; Онъ не идетъ къ Нему на помощь, Онъ не спѣшитъ спасти Его; Онъ оставляетъ Его въ Его страданіи, не оказывая Ему никакой помощи и поддержки. Да, поистинѣ Спаситель въ этотъ часъ былъ совершенно оставленъ Богомъ. Беззащитный, предоставленный Своимъ собственнымъ силамъ, Онъ всецѣло находился теперь во власти враговъ. Но теперь ли только Онъ оказался въ такомъ положеніи? Не съ того ли момента началась Его беспомощность, когда Онъ въ Геосиманскомъ саду Самъ Себя предалъ въ руки враговъ? Не въ такомъ ли положеніи былъ Онъ въ продолженіи всѣхъ этихъ долгихъ мучительныхъ часовъ? Т. е. когда Онъ, при насмѣшкахъ Своихъ мучителей, молился за нихъ, говоря: *Отче, отпусти имъ...*, когда Своимъ властнымъ „*аминь глаголю тебѣ*“ отверзъ разбойнику рай Божій, или когда съ любовью сына и друга указалъ Матери Своей — сына, а другу — Мать? Внѣшнею помощью Отца, конечно, Онъ оставленъ былъ уже и тогда; но тогда Онъ не жаловался на Свою беспомощность. Какая же перемѣна произошла съ того часа, когда мракъ покрылъ всю землю, и когда изъ груди Его вырвался этотъ раздирающій душу вопль: *Боже мой, Боже мой! Вскую мя еси оставилъ?*

Преданный въ руки враговъ, оставленный Своимъ Отцемъ безъ всякой внѣшней помощи, беззащитно отданный въ распоряженіе грѣшниковъ, Спаситель до сего времени не былъ однако оставленъ благоволеніемъ Божиимъ. Онъ видѣлъ небо отверстымъ; Онъ видѣлъ Отца, исполнять волю котораго Онъ былъ посланъ на землю, готовымъ прославить Его славою, которую Онъ имѣлъ у Него прежде, чѣмъ сталъ существовать міръ. Его душа находила для себя успокоеніе и утѣшеніе въ благоволеніи Отца, въ сознаніи Его близости и общенія. Но совсѣмъ не то стало теперь. Взоръ Его на рай Божій, врата котораго Онъ только что отверзъ разбойнику, помутился и померкъ. Онъ поднимаетъ очи Свои къ небу, но они тамъ не встрѣчаютъ отеческаго взора. Его душа въ невыносимой тоскѣ вопіетъ къ Богу, но она не слышитъ отвѣта. Богъ отвратилъ отъ Него

милостивый взоръ Свой. Страхъ смерти безъ Бога, ужась ада и суда
охватили Его душу.

Это было то крещеніе, которымъ Онъ долженъ былъ еще креститься, и предъ которымъ Ему было такъ жутко. Это было то страданіе, въ предчувствіи котораго въ саду Геосиманскомъ съ лица Его падалъ на землю потъ, какъ капли крови. Это была та чаша, которую Ему необходимо было выпить до дна и предъ которою такъ трепетала душа Его. *Отче*, молился Онъ, *аще возможно, да мимо идетъ отъ мене чаша сія!* И Ангель Божій сошелъ тогда съ неба и подкрѣпилъ Его. Но теперъ небо остается для Него закрытымъ, и ни одинъ Ангель не сходитъ оттуда, чтобы подкрѣпить Его. Три часа безмолвно переноситъ Онъ страшную муку, пока невыносимая, вышедшая изъ предѣловъ тоска не исторгла этого вопля: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?*

Братіе, когда приходилось кому либо изъ васъ подвергаться въ своей жизни какому нибудь тяжкому испытанію, переживать такую невыносимую скорбь, при которой вамъ казалось, что будто Самъ Богъ отвратилъ отъ васъ лице Свое и предалъ адскому мученію, о, скажите, какъ тяжело было тогда вамъ, какъ мрачно было тогда на душѣ вашей! И однако вамъ только казалось, что вы оставлены, забыты Богомъ. Одна минута, пока смирились вы надъ мощную руку Его, пока сознали, какъ слабы и ничтожны мы предъ Богомъ, и вотъ снова изъ-за облаковъ выглянуло солнце, и вы убѣдились, что въ дѣйствительности Онъ не лишалъ васъ Своей милости. Но здѣсь не такъ. Когда Спаситель говоритъ *почему ты меня оставилъ*, то здѣсь нѣтъ ни ропота, ни притворства и преувеличенія. Этими словами Онъ выражаетъ то, что было въ дѣйствительности. Онъ не казался только оставленнымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ оставленъ Богомъ. Богъ дѣйствительно отвратилъ отъ Него на этотъ разъ милостивое лице Свое и предалъ Его всѣмъ ужасамъ ада и суда. *Яко вода изліяхся и разсыпашася вся кости моя, бысть сердце мое, яко воскъ, таяй посредь чрева моего. Изше яко скудель крѣпость моя и языкъ мой прильпелъ юртани моему и въ персть смерти свелъ мя еси.* (Пс. 21, 15—16). Вотъ слова, которыя пророческій духъ влагаетъ въ уста страждущаго Христа въ томъ самомъ псалмѣ, начальными словами котораго воскликнулъ Спаситель. Похожи ли они на слова человѣка, предъ которымъ солнце благодати сокрылось только пови-

димому и въ малой степени? Не есть ли это скорѣе вопль души, которая дѣйствительно предана всѣмъ ужасамъ ада и суда, и которая несетъ гнѣвъ Божій, клятву грѣха? *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил!* Такъ зоветъ Спаситель не въ чувствѣ упрека или ропота. Его вопль есть страдальческій вопль души, которая въ борьбѣ противъ ада и діавола крѣпко, однако, держится Бога, которой сатана говоритъ: „отрекись отъ Бога и умри“, но она отвѣчаетъ: *Боже мой, Боже мой!* Оставленный Богомъ, Онъ не оставляетъ Своего Бога. Хотя Ты, Боже Мой, какъ бы такъ говоритъ Онъ, и закрылъ отъ Меня Твое небо, и низринулъ Меня въ адъ, но Я нигдѣ не оставлю Тебя. И въ аду Ты мой Богъ, и Я не хочу быть ни чьимъ другимъ, какъ вѣчно Твоимъ, Боже Мой!

Благоговѣнно преклоняюсь я предъ крестомъ Господнимъ и съ недоумѣніемъ смотрю на тайну этихъ словъ, которую не можетъ постигнуть никакой умъ и выразить никакой языкъ человѣка: „*Быть оставленнымъ Богомъ*“, кто можетъ понять эти слова, восклицалъ нѣкогда одинъ изъ христіанскихъ богослововъ, когда онъ долгое время углублялся своею мыслию, желая уяснить себѣ это крестное слово. Но это непостижимое таинство, друзья мои, есть несомнѣнно великое таинство нашего блаженства. Ибо почему Тебя, о Иисусе мой, оставилъ на крестѣ Твоемъ Богъ Твой, когда Ты не сдѣлалъ ни одного грѣха, когда никакой лести, никакого обмана не было на устахъ Твоихъ, — какъ не потому, чтобы чрезъ Тебя искуплены были отъ клятвы грѣха мы — грѣшники? *Наказаніе міра нашего на Немъ, язвою его мы исцѣльхомъ. — Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ* (Ис. 53, 5, 6). *Зане Богъ бже во Христвъ, міръ примиряя себѣ, не вмыняя имъ соуръшениихъ и положивъ въ насъ слово примиренія. — Не вѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Коринѣ. 5, 19, 21). Итакъ, возлюбленные о Господь, потому Онъ, Господь нашъ, сдѣлался клятвою на древѣ клятвы, чтобы насъ спасти отъ клятвы грѣха; потому Богъ заключилъ Его на крестѣ Своемъ, дабы для насъ никогда не было закрыто небо; потому Онъ оставленъ былъ Богомъ, дабы мы никогда не были оставляемы отъ Бога! — О приходите вы, бѣдныя, томящіяся о Богъ сердца! Теперь вы не должны страшиться, хотя бы врагъ и искушалъ ваши души. Теперь благодатное солнце, хотя бы и скрылось на минуту отъ васъ за облаками, но оно

необходимо должно взойти для васъ снова. Теперь знаю я то, что говорить псалмопѣвецъ: *исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Пс. 72, 26). Т. е. если бы сокрушены были и тѣло и душа моя, то и тогда и во всякое время Ты останешься Богомъ моего сердца, моимъ удѣломъ и утѣшеніемъ. Все, что нужно мнѣ для утѣшенія и мира моей души, для помощи и успокоенія въ часы испытаній, при видѣ смерти и суда, все это даютъ мнѣ эти твои предсмертныя страданія, это уничиженіе и отриновеніе Богомъ. И только тѣ остаются безъ утѣшенія и не имѣютъ никакой части въ Тебѣ, которые и теперь, въ виду Твоихъ страшныхъ мученій и душевной борьбы, все еще предаются грѣху и замыкають сердца свои для вѣры въ Тебя. О, Господи, научи ихъ, хотя въ этотъ день, день посѣщенія ихъ, подумать о томъ, что служить къ ихъ миру. Научи ихъ подъ крестомъ Твоимъ, ударяя себя въ грудь, обратиться къ Богу и принести истинные и достойные плоды покаянія, дабы они не умерли въ грѣхахъ своихъ безъ утѣшенія, безъ вѣры и надежды, оставленные своимъ Богомъ! Помози намъ, Господи, съ вѣрою и покаяніемъ преклоняющимъ колѣна душъ и тѣлесъ нашихъ предъ крестомъ Твоимъ, чтобы мы не теряли этой вѣры на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ превратностяхъ своей жизни, и, когда обымуть насъ ужасы смерти, крѣпко держались за Тебя, Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра и искупившій насъ отъ клятвы грѣховныя. Аминь.

5. Жажду.

Посемъ вѣдый Иисуса, яко вся уже совершиша, да сбудется писаніе, глагола: жажду. Сосудъ же стояше полонъ оцта: они же исполнише кубу оцта и на трость возше, придъша ко устамъ его. (Иоан. 19, 28—29).

Возлюбленные о Господѣ братіе! Это слово самое краткое и, повидимому, самое маловажное изъ всѣхъ крестныхъ словъ Господа Иисуса; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что оно такъ же многозначительно, какъ и другія, и не смотря на свою кажущуюся маловажность, равносильно имъ по своему содержанію.

Душевная борьба Спасителя окончилась. Внутреннія страданія Его съ словами „*Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?*“ достигли крайняго своего предѣла. Снова засіяло солнце. Душа Его снова успокоилась на благоволеніи Отца и утѣшительное сознаніе, что все, для чего послалъ Его Отець, теперь сдѣлано, исполнило Его духовнаго мира. Но тѣмъ ощутительнѣе чувствуетъ Онъ теперь боль въ пронзенныхъ, израненныхъ членахъ Своего тѣла. Въ жестокой борьбѣ, въ томленіи и тоскѣ Своей жаждущей души, Онъ забылъ о всякой жадѣ Своего тѣла; но теперь эта тѣлесная жажда вызываетъ въ Немъ болѣзненный вопль: „*Жажду!*“

Съ тѣхъ поръ какъ Онъ въ послѣдній разъ ѣлъ съ Своими учениками пасхальнаго агнца и пилъ отъ вина лознаго, прошло уже двадцать часовъ, въ продолженіи которыхъ Онъ не принималъ ни пищи, ни питья. Хотя воины предъ началомъ казни, по обычаю давать приговореннымъ къ смерти преступникамъ предъ казнію опьяняющій напитокъ, чтобы отуманить ихъ чувства, предлагали и Спасителю таковой напитокъ; но Онъ отказался принять его, такъ какъ хотѣлъ съ яснымъ умомъ и полнымъ сознаніемъ выпить до дна ту чашу, которую далъ Ему Отець.

Окиньте при этомъ еще разъ вашимъ взоромъ все то, что перенесъ Господь Иисусъ съ того часа, когда Онъ, въ послѣдній разъ, на тайной вечери, находился въ обществѣ учениковъ Своихъ! Эту потрясающую разлуку съ Своими учениками, эту душевную борьбу въ саду Геосиманскомъ, это предательство Иуды и заарестованіе, это бѣгство учениковъ и отреченіе Петра. Вотъ таскаютъ они, враги Его, отъ одного вопроса къ другому, всячески оскорбляютъ, смѣются и издѣваются надъ Нимъ, плюютъ на Него, наносятъ Ему удары, пощечины и заушенія, заключаютъ въ оковы тѣло Его, терновый вѣнецъ надѣваютъ на Его голову. Какая длинная цѣпь мученій тянется до тѣхъ поръ, пока римскій правитель не предалъ Его наконецъ на распятіе и не возложили на рамена Его тяжелаго креста, подъ бременемъ котораго подламывались Его ноги! Вотъ, въ продолженіи шести часовъ уже виситъ Онъ между небомъ и землею, истекая кровью, подъ невыносимо знойными лучами южнаго солнца, беззащитный противъ столь мучительныхъ на востокъ насѣкомыхъ, подъ насмѣшками и издѣвательствомъ враговъ, крайне изнуренный столь продолжительнымъ ужаснымъ мученіемъ душевной борьбы. По-

истинѣ Онъ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудъ и въ извѣсть отъ Бога и озлобленію (Ис. 53, 5). Исполняются и въ этихъ тѣлесныхъ страданіяхъ слова Писанія: *Изше яко скудель крѣпость моя и языкъ мой прильпе гортани моему* (Псал. 21, 16). — Друзе! Если когда-нибудь приходилось тебѣ самому лежать на одрѣ тяжкой болѣзни, или стоять у одра умирающаго, то ты, навѣрное, знаешь, что едва ли какое нибудь другое мученіе бываетъ такъ невыносимо для страждущаго и умирающаго, какъ именно жажда его пламенной гортани. Что же удивительнаго, если въ томъ лихорадочномъ жару, въ которомъ находилось тѣло Спасителя, пригвожденнаго ко кресту, мученіе Его томительной жажды превзошло всякіе предѣлы терпѣнія?

Но подобно герою, который въ пылу битвы забываетъ о своихъ ранахъ и не обращаетъ вниманія на струящуюся изъ ранъ его кровь, и Спаситель нашъ въ разгарѣ Своей борьбы не обращалъ вниманія на Свои тѣлесныя мученія и на жажду Своей гортани. Но вотъ одержана побѣда и все совершилось. Онъ побѣдилъ теперь всѣ ужасы ада и суда и для Него настала вечерній отдыхъ. Но за то тѣмъ сильнѣе чувствуетъ Онъ теперь жгучую, нестерпимую боль въ Своихъ ранахъ и уже не можетъ удержаться отъ болѣзненнаго вопля: *посема въдыи Іисусъ, яко вся уже совершишася, да сбудется писаніе, магола: „жажду“!*

Да сбудется писаніе! Чтобы и въ этомъ отношеніи исполнилось то, что гораздо ранѣе было о Немъ предсказано духомъ пророческимъ, — чтобы исполнились слѣдующія слова Писанія: *И даша въ сильдь мою желчь и въ жажду мою напоша меня оцта*. Такъ было о Немъ написано прежде, пророкомъ. Поэтому Онъ долженъ былъ терпѣть и это страданіе и чрезъ обнаруженіе Своей жажды доказать, что и это слово Священнаго Писанія исполнилось на Немъ.

Жажду! — взываетъ нашъ Спаситель со креста Своего. Мы, конечно, и безъ этой жалобы, могли бы знать, насколько велико было Его тѣлесное мученіе на крестѣ. Но Онъ Своимъ воззваніемъ придаетъ этому Своему мученію еще большую силу, и вина наша тѣмъ болѣе увеличивается, если и такой жалобный вопль божественнаго Страдальца не трогаетъ нашего сердца. — *Жажду!* — вопіетъ нашъ Спаситель со креста Своего. Какъ внушительнъ и трогателенъ этотъ вопль Спасителя міра среди шумнаго веселья, съ которымъ чада міра

сего и досель переходяты отъ одного удовольствія къ другому! О, прислушайтесь къ этому воплю вы, несчастные сластолюбцы при вашихъ роскошныхъ обѣдахъ, при вашихъ неумѣренныхъ пиршествахъ и кутежахъ, среди вашихъ нескромныхъ шутокъ и каррикатурныхъ маскарадовъ, которыми вы оскорбляете святость дней, назначенныхъ для воспоминаній страданій и смерти нашего Спасителя. — *Жажду!* — восклицаетъ Онъ въ пылу Своихъ крестныхъ страданій. — Когда міръ и плоть соблазняютъ васъ пить и упиваться изъ опьяняющей чаши удовольствій; когда для вашего суетнаго чувства недостаточно обильно текутъ источники наслажденій; когда для изнѣженнаго и избалованнаго вашего вкуса обѣдъ кажется недостаточно изысканнымъ и вкуснымъ, столь недостаточно богатымъ и обильнымъ кушаньями и пиршествами: тогда устремляйте чаще и пристальнѣе взоръ свой на Него, нашего Спасителя, въ Его крестныхъ страданіяхъ, въ лихорадочномъ жару и мукахъ Его жажды, тогда пусть этотъ вопль Его „жажду“ служить для васъ спасительнымъ предостереженіемъ. — Какъ возмогы ты, о Иисусе, Спасителю нашъ, прешобѣдить въ Себѣ всякое чувство боли и нестерпимыхъ мукъ Твоего тѣла и не прежде вспомнилъ объ этихъ мукахъ, и заявилъ о нихъ въ жалобномъ воплѣ, какъ тогда, когда все уже совершилось! Я именуюсь Твоимъ ученикомъ; но охъ, какъ часто побѣждаютъ меня страданія моего тѣла, вызываютъ во мнѣ чувство ропота и дѣлаютъ меня медлительнымъ и лѣнивымъ въ исполненіи моихъ обязанностей! — Идите и скажите вашимъ больнымъ и всѣмъ страждущимъ и обѣднымъ: что дѣлаете вы, предаваясь ропоту и жалобамъ на тяжесть вашего положенія и почему вамъ такъ трудно бываетъ спокойно и терпѣливо переносить ваши страданія? О, посмотрите чаще на образъ вашего Распятаго Спасителя, какъ Онъ во время Своихъ страданій, подобно тому богатому, въ Евангельской притчѣ, томится объ одной капелькѣ воды для утоленія невыносимой жажды! Пусть это крестное слово Спасителя „жажду“ обличаетъ ваше нетерпѣнье, пробуждаетъ въ васъ чувство благодарности за каждое облегченіе въ вашихъ страданіяхъ и помогаетъ вамъ безропотно, съ терпѣніемъ переносить ихъ и смиряться подъ крѣпкую руку Божию.

Жажду! — взываетъ нашъ Спаситель со креста Своего. Казалось бы, что всѣ источники и водоемы міра должны бы открыться и поспѣшить для утоленія Его жажды. Но случилось не такъ. Тотъ, Который въ

Канъ Галилейской претворилъ воду въ вино, чтобы показать славу Свою ученикамъ Своимъ и возбудить въ нихъ вѣру въ Себя; Который напиталъ въ пустынѣ тысячи людей немногими хлѣбами и рыбами, — Онъ, конечно, могъ бы и теперь упросить Отца Своего, чтобы Онъ послалъ Ему Ангела утолить Его жажду. Но какимъ образомъ тогда исполнилось бы Писаніе? Вотъ почему ни одинъ Ангелъ не сходить теперь съ неба. Только воины, составлявшіе стражу при крестѣ, проникаются чувствомъ состраданія къ мученію Распятаго. Здѣсь, подлѣ креста, стоялъ сосудъ, наполненный *оцетомъ* (кислымъ виномъ), который служилъ обыкновеннымъ напиткомъ у людей нисшаго, бѣднаго класса. Они взяли губку, напоили ее этимъ напиткомъ и, вонзивъ ее на палку, поднесли къ устамъ Спасителя. И Онъ принявъ это питье, и не отвратилъ устъ Своихъ отъ напоенной укусомъ губки, которую они поднесли Ему.

Друже, ты охотно предложилъ бы Ему лучшее питье, чѣмъ этотъ кислый напитокъ. Тоже, конечно, сдѣлали бы и тѣ изъ учениковъ Его, которые оставались еще при крестѣ Его, или снова возвратились сюда изъ домовъ своихъ. Съ какимъ удовольствіемъ они принесли бы Ему лучшей напитокъ для утоленія жажды, если бы римская стража не отгоняла ихъ отъ креста и не заставляла оставаться бездѣйственными свидѣтелями Его страданій! —

Но тебя, другъ, никто не принуждаетъ къ этому; тебѣ теперь никто не препятствуетъ пойти и утолить Его жажду лучшимъ напиткомъ. Ибо еще и сейчасъ взываетъ нашъ Спаситель — эта Глава въ Своихъ членѣхъ — *жажду!* Что сдѣлаете вы одному изъ меньшихъ братій Его, то сдѣлаете, какъ Онъ Самъ завѣряетъ Ему Самому. — Такъ идите же, утоляйте Его жажду и не отказывайте Ему въ глоткъ холодной воды, о которомъ Онъ проситъ васъ въ лицѣ меньшихъ братій. Горе тѣмъ, которымъ Онъ нѣкогда скажетъ: *Взлакался бо, и не дасте ми ясти; возжадахся, и не напоисте мене; страненъ бѣхъ, и не введосте мене; нагъ, и не одѣясте мене; боленъ, и въ темницѣ, и не посылтисте мене* (Матѳ. 25, 42). *Раздробляй алчущима хлѣбъ твой, и нищія, безкровныя введи въ домъ твой: аще видѣши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племени твоего не презри* (Ис. 58, 7).

Но у Него есть другая, еще большая жажда, чѣмъ жажда тѣлесная. Когда повстрѣчался Онъ тамъ у источника близъ города Сихаря съ женою Самаряною, сказалъ ей: „дай мнѣ пить“, то сдѣлалъ это съ тою

пѣлью, чтобы въ ней самой возбудить жажду живой воды, которую Онъ для нея приготовилъ: *аще бо вѣдала даръ Божій, сказала Онъ ей, и кто есть глаголюй ти: даждь ми пити, ты бы просила у него и далъ бы ти воду живу* (Іоан. 4, 10). „Онъ жаждетъ нашей жажды“, говорить, поэтому, одинъ изъ отцевъ церкви. Что другое могло заставить Его изъ небесной (своей славы, которую Онъ имѣлъ у Отца прежде міра не бысть, снизойти въ этотъ міръ грѣха и смерти, въ эту юдоль бѣды и скорбей, голода и жажды, поруганій и униженія, какъ не жажда Его души нашей жажды и блаженнаго утоленія ея живою водою? О, не будь такъ жестока! Дай Ему то, чего Онъ такъ страстно желаетъ, и на что Онъ имѣетъ полное право, такъ дорого стоившее Ему. Дай Ему твое сердце, дабы Онъ наполнилъ его всею полнотою Своего мира и благодати. Для чего такъ часто становишься ты на дорогѣ самому себѣ и вѣчному спасенію души своей, для чего пренебрегаешь призывомъ жаждущей души твоего Спасителя? Горе тому, кто, вмѣсто хорошаго напитка, подаетъ Ему укусъ. Горе тебѣ, если Онъ ищетъ у тебя винограда, а находитъ терніе. И что будетъ, если бесплодно пройдетъ для тебя время Его ищущей любви, и не окажется тамъ никакого Лазаря, который, омочивъ конецъ перста своего въ водѣ, охладилъ бы твой языкъ и облегчилъ бы твою жажду?

Но еще есть время; еще продолжаетъ Онъ жаждать спасенія твоей души; еще просить Онъ со креста Своего: *примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20). — *И жаждай да придетъ и хотяи да прииметъ воду животную туне* (Апокал. 22, 17). *Ибо всякъ, иіаи отъ воды сея, вжаждется пакі: а иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки, но вода, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущей въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14).

О, привлекай же, Христе Боже, къ Себѣ всѣхъ, которые еще далеко отъ Тебя, источника живой воды, блуждаютъ въ пустынь міра, дабы жаждущая любовь Твоя пробудила жажду и ихъ душъ, и дабы они нашли въ Тебѣ жизнь и полное удовлетвореніе! Помоги намъ, вѣрующимъ въ Тебя, чтобы мы всегда приходили черпать изъ Твоей полноты, пока мы никогда не придемъ къ Тебѣ для вѣчнаго созерцанія, когда не (будемъ мы) уже болѣе ни алкать, ни жаждать, когда Ты Самъ будешь пасти насъ и водить къ источнику живой воды.

Аминь.

С Л О В О

въ день Святыя Пасхи

*Возрадовалася ученицы, видѣвши
Господа (Іоан. 20, 20).*

Такъ изображаетъ то святое чувство, коимъ объаты были Апостолы при первомъ явленіи имъ воскресшаго Учителя и Господа, одинъ изъ очевидцевъ свидѣтелей сего радостнаго явленія! *Возрадовалася ученицы, видѣвши Господа.* Такъ исполнилось предреченіе Самого Воскресшаго, изреченное Имъ еще въ прощальной бесѣдѣ съ учениками, предъ наступленіемъ Его крестныхъ страданій. *Вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 20—22).

Блаженны св. ученики Господа нашего Иисуса Христа, сподобившіеся лицемъ къ лицу зрѣть Его въ самый первый день по Его воскресеніи. Они видѣли Свѣтъ небесный, недавно зашедшій во гробъ, и теперь съ новымъ блескомъ возсіявшій изъ гроба; они зрѣли лучезарный и привѣтливый ликъ Спасителя и Господа, который незадолго до того покрытъ былъ смертною блѣдностію; они слышали голосъ, такъ недавно возгласившій со креста: *совершишася* (Іоан. 19, 30), и теперь неоднократно возглашающій имъ: *радуйтесь! миръ вамъ* (Іоан. 20, 19); они видѣли своими очами, осязали своими руками пречистое тѣло, еще недавно изъязвленное, измученное и прободенное, и теперь, подобно нѣкому духу, проходящее сквозь затворенныя двери. Такъ блаженны очи св. Апостоловъ, видѣвшія сіе, блаженны и уши ихъ, слышавшія сіе!

Но, возлюбл. братіе, не менѣе блаженны и всѣ послѣдующіе ученики воскресшаго Спасителя и Господа нашего; не менѣе блаженны и мы, если только имѣемъ живую вѣру въ воскресшаго Господа и пламенную къ Нему любовь. Ибо Самъ Воскресшій сказалъ: *блаженны не видѣвши, и вѣровавши*—(Іоан. 20, 29). И св. Апостоль Петръ, одинъ изъ первыхъ свидѣтелей—очевидцевъ воскресенія Его, не отказываетъ въ радости увѣровавшимъ въ Иисуса Христа разсѣяннымъ пришельцамъ Понта и Галатіи, даже радость ихъ о воскрес-

шемъ Спасителѣ называетъ неизглаголанною и прославленною. *Еюже* (т. е. Иисуса Христа), такъ говорить св. Апостоль Петръ, *Еюже не видѣвши любите, и на Него же нынѣ не зряще, върующе же, радуется радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. 1, 8).

Итакъ, братіе, и мы, не видя нынѣ плотскими очами воскресшаго Господа, имѣемъ причину и возможность радоваться въ благознаменитый день праздника нашего, ибо это торжество всемірное, празднество постоянное и неизмѣнное,—предметъ веселія и радости для всѣхъ временъ, родовъ и поколѣній, върующихъ въ Иисуса Христа, который *вчера и днесъ, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). Поистинѣ убо, братіе, *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны*. Нужно только, чтобы мы надлежащимъ образомъ понимали, что должно составлять предметъ нашей радости и какъ мы должны радоваться въ сей свѣтлый праздникъ Воскресенія Христа.

О чемъ радовались первые и ближайшіе ученики Воскресшаго Господа? Предметъ и причину ихъ радости сначала, можетъ быть, составляли отчасти и временныя блага,—ожидавшаяся надежда на освобожденіе ихъ отечества отъ тягостнаго и постыднаго ига иноплеменнаго владычества,—пробудившееся чаяніе избавленія отъ временныхъ золь и бѣдствій, такую мрачною и грозною тучею тяготѣвшихъ надъ ихъ соплеменниками. Это можно видѣть изъ того, что говорили двое скорбѣвшихъ учениковъ явившемуся, но неузнанному ими дивному Спутнику: *мы надѣяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лук. 24, 21). Впрочемъ, безъ сомнѣнія, не это одно составляло предметъ и причину радости св. Апостоловъ. Предшествовавшія страданія и смерть, и потомъ обстоятельства послѣдовавшаго Воскресенія Господа Иисуса Христа много разувѣрили учениковъ Его въ ихъ земныхъ чаяніяхъ и надеждахъ, и дали разумѣть имъ, что царство ихъ Учителя не земное, что освобожденіе, принесенное имъ съ неба на землю, не должно ограничиться избавленіемъ только Іудеевъ отъ рабства иноплеменникамъ; особенно же они должны были увидѣть сіе, когда Воскресшій Господь *отверзъ имъ умъ разумѣти Писанія* (Лук. 24, 45), и когда повелѣлъ имъ *проповѣдать покаяніе и отпущеніе грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима* (ст. 47). Они очевидно стали понимать, что царство Спасителя должно состоять не во временномъ

обладаніи, которое бы даровалъ Іудеямъ великій потомокъ Давида надъ языками, невѣдущими Бога, но въ освобожденіи какъ самихъ Іудеевъ, такъ и язычниковъ отъ ига работы грѣху и діаволу, и во введеніи всѣхъ, истинно вѣрующихъ, въ земное царство благодати, и отсюда въ небесное царство славы. Озаряемые свѣтомъ, возсіявшимъ отъ гроба, и содѣлавшимъ самый гробъ свѣтлѣйшимъ всякаго царскаго чертога, они начали яснѣ видѣть, что небесный Учитель ихъ Христосъ дѣйствительно есть *свѣтъ во откровеніе языковъ и слава людей Своихъ Израиля* (Лук. 2, 32).

О томъ же, братіе христіане, должны радоваться и мы, особенно въ сіи святые и свѣтлые дни. Мы должны представлять себѣ въ возможной мѣрѣ всю безмѣрность и безпредѣльность любви Божественной, пославшей и посланной въ міръ для искупленія всего грѣшнаго человѣческаго рода, страдавшаго подъ игомъ работы грѣху и діаволу, — должны съ глубокимъ вниманіемъ размышлять о сопричтеніи всѣхъ, истинно вѣрующихъ въ воскресшаго Христа Спасителя, въ наслѣдники царствія Христова, живо должны представлять и созерцать ту славу Воскресшаго, въ которую Онъ вошелъ своими страданіями, отъ полноты души должны радоваться, что принесенная Богомъ Сыномъ за грѣхи наша жертва Богомъ Отцемъ принята, и мы — величайшіе преступники — примирены съ оскорбленною высочайшею Святостию и неумытнымъ правосудіемъ Божественнымъ. Глубоко должны мы чувствовать при семъ и то, что эта грѣшная земля, на которой мы теперь живемъ, не всегда будетъ мѣстомъ нашего жилища, — что это тяжкое тѣло, которое мы нынѣ носимъ, не всегда будетъ составлять оболочку нашей души; но рано или поздно, только непременно въ определенное Богомъ время, мы преселимся съ земли на небо, что *наше немощное тѣло возстанетъ въ силу, наше тлѣнное облечется въ нетлѣніе*, и мы будемъ тамъ же, гдѣ нашъ Господь и Спаситель, съ такимъ же, можно сказать, одухотвореннымъ тѣломъ, какое имѣлъ и имѣетъ нашъ Божественный Ходатай по своему воскресеніи. А не о томъ, братіе, должны мы радоваться, что прошелъ постъ, — время говѣнія, воздержанія, продолжительныхъ и частыхъ моленій, что съ наступленіемъ свѣтлаго праздника многіе имѣютъ возможность и случай облекать свое тѣло въ новыя и свѣтлыя одежды, питать свое чрево пріятными и изысканными брашнами и

питіями, и предаваться разнаго рода излишества́мъ, забавамъ и удовольствіямъ. Но чтобы радость наша дѣйствительно была достойна праздника и спасительна для насъ самихъ, мы должны сообразовать ее съ радостію первыхъ учениковъ и Апостоловъ Воскресшаго Господа и выражать ее въ тѣхъ же дѣствіяхъ и словахъ, въ какихъ они выражали.

Въ чемъ же выражали свою радость св. Апостолы и св. Жены Муриносицы, первыя возвѣстившія о воскресеніи Христа Спасителя? При первой вѣсти о воскресеніи Учителя, Его свят. ученики и ученицы спѣшно, даже предупреждая другъ друга, текутъ къ мѣсту погребенія Его, чтобы собственными очами удостовѣриться въ истинѣ столь радостнаго событія, и внимательно разсматриваютъ Его погребальныя пелены, оставленныя Имъ во гробъ въ доказательство Его воскресенія. При первомъ видѣ воскресшаго и явившагося Спасителя емлются за пречистыя нозѣ Его и воздаютъ Ему подобающее поклоненіе, какъ бы желая какъ можно долѣе удержать Его при себѣ, чтобы снова ни подвергнуться столь тягостной разлукѣ, какую такъ недавно они испытали, оставшись сырыми и беззащитными.

Выражай тѣмъ же свою радость о воскресеніи Христовомъ, и всякій христіанинъ, и твоя радость будетъ угодна Воскресшему и душеполезна для тебя, имѣющаго нужду воскреснуть отъ смерти грѣховной и жить со Христомъ въ Богѣ. Посѣщай въ сіи дни какъ можно чаще св. храмы Божіи, и особенно сіе небеси подобное мѣсто селенія славы Божіей и мѣсто успокоенія св. угодниковъ Божіихъ, нетлѣніемъ своихъ тѣлесъ ясно засвидѣтельствовавшихъ и свидѣтельствующихъ о силѣ воскресенія Христова (а); съ благоговѣніемъ взирай на св. Иконы и животворящій Крестъ Христа Спасителя, и съ вѣрою и любовію лобызай ихъ и поклоняйся имъ; внимательно вслушивайся въ восхитительныя и отрадныя пѣсни, въ такомъ обилии и въ такомъ дивномъ согласіи воспѣваемыя св. Церковію въ сіи радостныя дни. Взирай на облаченныхъ въ свѣтлыя одежды священнослужителей, какъ на Ангеловъ, въ бѣлыхъ ризахъ одѣянныхъ и возвѣстившихъ женамъ о воскресеніи Господа, и въ ихъ многократныхъ восклицаніяхъ: *да воскреснетъ Богъ и: Христосъ воскресе*—да слышатся тебѣ утѣшительныя увѣренія св. Ангеловъ, *что ищите живаго съ мертвыми?* *Нѣсть здѣ, но воста: пріидите и видите мѣсто, идѣже*

(а) Говорено въ Киевопечерской Лаврѣ.

лежа Господь (Матѣ. 28, 6). Наконецъ, въ ежедневномъ, громогласномъ и многообразномъ звонѣ колоколовъ да взнемлешь ты громъ и трусь, ознаменовавшіе изшествіе Господа изъ гроба. Въ чемъ еще выражали свою радость о воскресеніи своего Учителя первые ученики и свидѣтели Его явленій по воскресеніи? И по повелѣнію самого Воскресшаго и Ангеловъ, благовѣствовавшихъ о Его воскресеніи, и по внушенію собственнаго нѣжнаго и братолюбиваго сердца, каждый изъ нихъ какъ бы наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшитъ передать другимъ и взаимно услышать отъ нихъ радостную вѣсть о воскресшемъ Господѣ. *И изшедше скоро отъ гроба, со страхомъ и радостію велию текосте возвѣстити ученикомъ Его* (Матѣ. 28, 8), — такъ повѣствуетъ св. Евангелистъ Матѣей о св. Муроносицахъ, спѣшившихъ передать радостную вѣсть о воскресеніи еще скорбѣвшимъ тогда Апостоламъ. На семь пути, по свидѣтельству того же Евангелиста, *Самъ Исусъ срѣте ихъ, малоля: радуйтесь, не бойтесь; идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею и ту Мя видятъ* (ст. 9. 10). Св. Евангелистъ Маркъ свидѣтельствуесть въ особенности о св. Маріи Магдалинѣ, что она, лишь только удосто- вѣрилась въ воскресеніи Христовомъ явленіемъ Самого Воскресшаго, тотчасъ шедше *возвѣсти съ Нимъ бывшимъ, плачущимся и рыдающимъ* (Мар. 16, 10). Еванг. Лука также говоритъ, что св. Жены Муроносицы, *возвращешя* отъ упраздненнаго воскресеніемъ Христовымъ гроба, *возвѣстиша вся сія* (т. е. все, что они видѣли сами и слышали отъ Ангеловъ) *единомунадесяти и всѣмъ прочимъ* (Лук. 24, 9). Сверхъ того св. Лука передаетъ намъ трогательное и умиленное повѣствованіе о двухъ ученикахъ, скорбѣвшихъ на пути изъ Іерусалима въ Еммаусъ, утѣшаемыхъ и обличаемыхъ бесѣдою съ ними на семь пути мнимаго пришельца Іерусалимскаго, и истиннаго Посланника и Учителя небснаго, и наконецъ утѣшенныхъ за трапезою въ Еммаусѣ нѣкимъ особеннымъ откровеніемъ имъ о Себѣ Воскресшаго. Обрадованные явленіемъ Господа, ученики сіи, какъ бы находя свою радость неполною и несовершенною, если не раздѣлять и съ своими соучениками, *рекоста къ себѣ: не сердце ли наю горя бѣ въ наю, егда глаголаше нама на пути, и яко сказоваше нама Писанія. И возставша въ той часѣ* (не смотря на то, что это была уже ночь) *и возвратистася во Іерусалимъ и обрѣтоста совокупленныхъ единомунадесяте и иже бяху съ ними, глаголющихъ: яко воистину возста Господь и явися Симону.*

И та повдаста, яже быша на пути, и яко познася има въ преломленіи хлба (Лук. 24, 32—35). Такова была взаимная любовь и братское единокровіе между первыми учениками и послѣдователями воскресшаго Господа! И за сію-то любовь Самъ Воскресшій благоволилъ явиться всѣмъ имъ и преподаваніемъ мира успокоить ихъ смущенныя души. *Сія имъ глаголющимъ, и Самъ Исусъ сталъ посредъ ихъ и глагола имъ: миръ вамъ* (ст. 36). Наконецъ, св. Ев. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что когда, *сущу поздъ*, въ первый день воскресный явился Господь всѣмъ собраннымъ ученикамъ Своимъ, кромѣ Ѳомы, и когда послѣ пришелъ Ѳома, то прочіе ученики первымъ долгомъ почли привѣтствовать Ѳому радостною вѣстію: *видѣхомъ Господа* (Іоан. 20, 25).

Вотъ, братіе, св. любовь Апостоловъ, завѣщанная имъ и усвоенная ими отъ ихъ и нашего Божественнаго Учителя! И вотъ для нашего подражанія примѣръ любви, *не ищущей своихъ си* (1 Кор. 13, 5), *но яже ближнѣе своего!* Св. Церковь, проникнутая и руководствующаяся тѣмъ же духомъ любви, установила въ сей праздникъ и для всѣхъ чадъ своихъ взаимно привѣтствовать и отвѣчать одинъ другому: *Христосъ воскресъ; воистину воскресъ!*—и это святое привѣтствіе сопровождать лобзаніемъ любви и мира. И благо намъ, братіе, если мы произносимъ сіе святое привѣтствіе изъ глубины искренняго и братолюбиваго сердца, съ полнымъ сознаніемъ важности истины, возвѣщаемой симъ привѣтствіемъ, а не по одному празднему обыкновенію, не изъ одного бесплоднаго подражанія; благо намъ, если мы, лобзая другъ друга, тѣмъ самымъ какъ бы силимся перелить въ души другихъ тоже радостное чувство, коимъ живемъ и дышемъ сами, а не подражаемъ въ семъ лобзанію Іуды—предателя.

Итакъ, братіе, будемъ принимать сами и возвѣщать другимъ— всѣмъ и каждому, ближнимъ и дальнимъ, знаемымъ и незнаемымъ, великимъ и малымъ, друзьямъ и врагамъ, радостную вѣсть воскресенія: *Христосъ воскресъ; воистину воскресъ!* Пронесемъ эту вѣсть повсюду, посѣтимъ съ нею больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ; возвѣстимъ ее бѣднымъ—меньшимъ братіямъ Христовымъ, чтобы никто не остался въ невѣдѣніи о семъ радостномъ событіи, никто не явился чуждымъ и непричастнымъ нашего веселія. *Христосъ воскресъ!* Это, братіе, такое обильное, многознаменательное и умирительно-радостное привѣтствіе, котораго доставало, достаетъ и достанетъ на всѣ времена, и для всѣхъ племенъ и народовъ, и которое никогда

не наскучить своимъ единообразіемъ, ни покажется малымъ и неполнымъ по своей краткости. Главное же, не устами только, но сердцемъ будемъ возвѣщать сію святую истину; самымъ дѣломъ и самою своею жизнію покажемъ, что точно воскресъ Христосъ и Спаситель нашъ и что съ Нимъ воскресли и мы отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ Богу живу и истину, — покажемъ сіе, какъ показали св. Апостолы, удостовѣрившіеся въ воскресеніи Христовомъ, и потомъ предъ цѣлымъ міромъ, предъ царями и народами, словами и жизнію, ученіемъ и дѣлами, возвѣщавшіе и подтверждавшіе истину воскресенія Его.

Самъ же Богъ мира, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго, кровью завета вѣчнаго, Господа нашего Иисуса Христа, да совершитъ всѣхъ насъ во всякомъ дѣлѣ блазнь, сотворити волю Его, творя въ насъ благоугодное предъ Нимъ Иисусъ Христомъ, Ему же слава во вѣки (вѣковъ) (Евр. 13, 20. 21). Аминь.

(Воскресное чтеніе).

Религиозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа по пословицамъ.

(Окончаніе *).

Любовь къ Богу и ближнимъ. Еще болѣе значенія для человѣка, чѣмъ вѣра и надежда, имѣеть любовь. Любовь къ Богу и ближнимъ и доброе дѣло, какъ выраженіе этой любви, — составляютъ главнѣйшія основы нравственнаго чувства пословицъ: любовь является необходимымъ условіемъ милости и любви со стороны Бога. Богъ любитъ тѣхъ, кто любитъ Бога и ближнихъ: „любящихъ и Богъ любитъ“; „кто къ Богу, къ тому и Богъ“; — присутствуетъ тамъ, гдѣ любовь согрѣваетъ сердца: „гдѣ любовь, тамъ и Богъ“; — „гдѣ миръ да ладъ, тамъ и Божья благодать“; — благодѣтельствуетъ тѣмъ, кто самъ оказываетъ любовь къ Богу и ближнимъ: „кто добро творить, тому Богъ отплатитъ“; „кто любитъ Бога, добра получить много“. Любить ближняго нужно такъ, какъ самого себя: „люби ближняго, какъ себя“; „люби брата, что себя“.

Выраженіемъ этой любви служатъ добрыя дѣла другимъ и воздер-

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 6-й 1895 г.

жаніе отъ причиненія имъ зла и обиды: „сѣй добро, посыпай добромъ, жни добро, одѣлай добромъ“; „молись, а злыхъ дѣлъ берегись“. Общее правило поведенія въ отношеніи къ другимъ можетъ быть выражено словами Евангелія: „и якоже хочете да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ такожде“ (Лук. 6, 31). Это правило въ пословицахъ выражается такъ: „чего себѣ не хочешь, того и другимъ не твори“; „чего самъ не любишь, того и другому не желай (не чини)“. Прежде чѣмъ сдѣлать что-либо, всякое дѣло надо примѣнить къ себѣ: нравится тебѣ оно или нѣтъ: „чего въ другомъ не любишь, того и самъ не дѣлай“; „всяку ложь къ себѣ приложь“; „чѣмъ другаго наряжать, такъ къ себѣ примѣрай“; „поахаль бы дядя, на себя глядя“. Во всякомъ случаѣ челоуѣкъ долженъ помнить, что „въ нюже мѣру мѣрите, и вамъ воздастся“, и „чѣмъ кого взыщешь, и себѣ того же сыщешь“; „какъ постелешь, такъ и поспишь“. За добро всегда получишь добро: „доброму вездѣ (всегда, всюду) добро“; „дѣлай добро и жди добра“; „дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро“; „по добру-добро, а по худу-худо“. Зависть, вражда губить самого же челоуѣка: „не рой подъ людьми яму: самъ ввалишься“; „не рой другу ямы: самъ попадешь“; „не копай другу ямы: самъ въ нее ввалишься“; „злой съ лукавымъ водились, да оба въ яму ввалились“. Короче: „каково аукнется, таково и откликнется“; „и что посеешь, то и пожнешь“. Поэтому пословицы настойчиво побуждаютъ дѣлать добро и удаляться отъ зла: „отыди отъ зла и сотвори благо“; „добраго держись, а отъ худаго удались“; „къ доброму мостись, и отъ худа пятайся“; „къ добру гребись, отъ худа шестомъ суйся“. Постоянное стремленіе къ добру создаетъ въ душѣ челоуѣка доброе настроеніе, которое не позволяетъ ему уже склоняться къ дурному: „учись доброму, худое на умъ не пойдетъ“; „добрый челоуѣкъ добру и учить“. Отсюда понятнымъ становится почтеніе и уваженіе въ пословицахъ къ добрымъ людямъ вообще: „хлѣбъ-соль кушай, а добрыхъ людей слушай“; „слушайся добрыхъ людей, на путь наведуть“; „кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорникъ“. Но этика народа идетъ далѣе обычной нравственности и возвышается до чисто евангельскаго ученія о непамятозлобіи и невоздаяніи зломъ за зло: „зла за зло не воздавай“; „мста (мечь) не мзда“; потому что „гнѣвъ—челоуѣческое, а злопамятство—діавольское“; „гнѣваться—дѣло челоуѣческое, а зло помнить—діавольское“. Поэтому пословицы побуждаютъ

забывать зло и помнить одно только добро: „добро помни, а зло забывай“; „дружбу помни, а злобу забывай“; по крайней мѣрѣ, „не поминай лихомъ, а добромъ какъ хочешь“. Ибо „тому тяжело, кто помнить зло“; и „худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому“. Во всякомъ случаѣ „злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ“, потому что „блудливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“. Напротивъ, кто доброе творить, того зло не вредитъ“; „доброму Богъ помогаетъ“; „добрымъ путемъ Богъ править“; и „за добраго человѣка сто рукъ“. Эгоистичный и самолюбивый человѣкъ отталкиваетъ отъ себя всѣхъ и каждый: „самолюдъ никому нелюбъ“; онъ, по здравому смыслу народа, не выполняетъ своего человѣческаго назначенія; потому что „человѣкъ не для себя родится“, и человѣческая жизнь дана на добрыя дѣла.

Высшимъ проявленіемъ любви къ ближнимъ является пожертвованіе своею жизнію ради другихъ: „больше той любви не бываетъ, кто другъ за друга умираетъ“. Но въ виду житейскаго опыта практической взглядъ народа ограничиваетъ этотъ возвышенный порывъ самопожертвованія и добавляетъ: „дѣлай другу добро, до себѣ бъ безъ вреда“; „живи людямъ себѣ“, т. е. живи на себя такъ, чтобы и людямъ хорошо было.

Идеаломъ человѣческаго благополучія здѣсь на землѣ было бы, если бы намъ было хорошо и другимъ безобидно: „чтобы всѣмъ тепло, и намъ хорошо“; „намъ добро, никому (не) зло—то законное житье“; „намъ добро, и всѣмъ таково—то законное житье“.

Сочувствіе къ другимъ людямъ обнаруживается прежде всего въ состраданіи къ чужому горю. Видъ чужихъ страданій невольно трогаетъ человѣка и вызываетъ въ немъ чувство жалости. Это свойство души человѣческой—отзываться на чужія страданія вѣрно подмѣчено русскимъ народомъ и прекрасно выражено въ пословицахъ: „человѣкъ жалью живетъ“; „скорбитъ человѣкъ по человѣку,“; „доброму чело- вѣку и чужая болѣзнь къ сердцу“.

Состраданіе къ ближнему и помощь въ нуждѣ должны быть взаимными, потому что бѣда можетъ случиться съ каждымъ: „и надо всѣмъ не покрыто“; „вздохни, да охни, —объ одномъ сохни; а какъ подраздумаемъ, такъ и всѣхъ жаль“, ибо „и на волѣ слезъ вдоволь“. Но такъ какъ „не равны и пальцы на рукахъ“, а „который палецъ ни укуси—всѣмъ больно“; то человѣколюбивое чувство особенно сострадательно къ неимущимъ, вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ загнаннымъ

и обдѣленнымъ судьбою: „не обижай гольши: у гольши таже душа“; „не боюсь богатыхъ грозъ, боюсь убогихъ слезъ“, потому что сиротская слеза даромъ на грудь не канеть“; „сиротская слеза не даромъ канеть“; „обиженная слеза не канеть на землю, а все на человеческую голову“. Такимъ-то несчастнымъ пословицы побуждаютъ въ особенности творить добро: „являй добро въ тюрьмѣ да въ богатѣльнѣ“; „кто сирыхъ напитаетъ, тотъ Бога знаетъ (или того Богъ знаетъ)“. Это добро особенно пріятно Богу: „болѣзному (несчастному) милость творить—съ Господомъ— Богомъ говорить“; „милостивому человѣку и Богъ подаетъ“. Подать милостыню нищему все равно, что подать Богу: „просить убогій, а подаешь Богу“; „въ окно подать—Богу подать“. И „Богъ въ долгу не останется:“ „за голоднаго Богъ заплатитъ“; „подай въ окно—Богъ въ подворотню подастъ“, т. е. невидимо. Помощь сирымъ и вдовамъ выше всякаго богоугоднаго дѣла: „не строй церковь, пристрой сироту“.

Богатство на то и дается человѣку Богомъ, чтобы имъ дѣлиться съ другими: „одною рукою собирай, другою раздавай!“, „одною рукою жни, другою сѣй!“ „Дающаго рука не оскудѣетъ“, потому что „тароватому Богъ подаетъ, а у скупаго чортъ отбираетъ“. Важно и цѣнно не количество поданнаго, а участіе, сочувствіе чужому горю: „не тѣмъ богатъ, что есть, а тѣмъ богатъ, чѣмъ радъ“, т. е. чѣмъ подѣлишься, поэтому „скупой богачъ бѣднѣе нишаго“. „Необычайнымъ чувствомъ гуманности и человѣколюбія дышетъ пословица: „при сытости помни голодь, при богатствѣ убожество“. Народъ вполне понимаетъ всю тяжесть и унижительность кормиться Христовымъ именемъ, а посему говоритъ: „вели Богъ подать, не вели Богъ просить (или: брать)“; „приведи Богъ подать, не приведи Богъ принять“; „вели Богъ дать, не вели Богъ отнять (или: принять)“.

Вообще милость, снисходительность никогда не бываетъ излишнею: она является подпорой даже правосудію: „милость—подпруга правосудію“; „милость и на судѣ хвалится“, „красна милость и въ правдѣ“.

Въ русскихъ пословицахъ рекомендуется терпѣливое и ровное перенесеніе всѣхъ обидъ и невзгодъ, случающихся въ жизни: „не гнѣви Бога ропотомъ, молись Ему попотомъ“; „лучше въ обидѣ быть, нежели въ обидчикахъ“; „лучше самому терпѣть, чѣмъ другихъ обижать“; „лучше мучиться, чѣмъ мучить“; „лучше свое отдать, нежели

чужое взять“. Въ этомъ случаѣ русскій народъ находить для себя утѣшеніе въ страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа: „Богъ терпѣлъ да и намъ велѣлъ“, и по его понятіямъ, „безъ терпѣнья нѣтъ спасенья“; „за терпѣнье даетъ Богъ спасенье“.

Смерть и загробная жизнь. Такое ровное и спокойное расположеніе духа придаетъ ясность и спокойствіе взгляду на міръ, гдѣ „все добро, да не всякому на пользу“. Самая смерть, хотя и страшитъ человѣка, который никакъ не можетъ привыкнуть къ ней, потому что „всякій животь боится смерти“, „животь смерти не ищетъ“; „жизнь надокучила, а и къ смерти не привыкнешь“;—однако она должна быть ожидаема спокойно, безъ ропота и ужаса: „умереть сегодня страшно, а когда-нибудь ничего“; „смерти бояться—на свѣтѣ не жить“. Страшна не смерть, а ожиданіе смерти: „истомна пуще (хуже) смерти“; „смерть терпѣть легче, нежели ждаты“. Вотъ почему легче всего нечаянная смерть: „легче всѣхъ нечаянная смерть“; „нежданная смерть—находка“. Но самое страшное въ смерти это—наказаніе за грѣхи: „смерть по грѣхамъ страшна“; „не бойся смерти, бойся грѣховъ“; „бойся Бога: смерть у порога“. Избѣжать смерти невозможно: „отъ смерти нѣтъ зелья“; „отъ смерти ни крестомъ, ни пестомъ“; „отъ смерти ни отмолиться, ни откреститься; своей острой косою она косить всѣхъ безъ различія; „царь и народъ—все въ землю пойдетъ“, „у смерти на глазахъ всѣ равны“, „смерть всѣхъ поравняетъ“. Съ каждымъ часомъ человѣкъ приближается къ смерти: „часъ отъ часу, а къ смерти ближе“, день къ вечеру—ко смерти ближе; и вся жизнь человѣческая должна состоять въ приготовленіи къ смерти по пословицѣ: „жить надѣйся, а умирать готовься“, потому что „не на животь рождаемся, а на смерть“; „родится человѣкъ на смерть, а умереть на животь“. Поэтому то или другое исполненіе своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, образъ его жизни, то или другое направленіе воли и чувства не должны оставаться безразличными и для человѣка. Правда, на этомъ свѣтѣ можно прожить и съ худыми и съ добрыми дѣлами, но за эту жизнь человѣка ждетъ другая—загробная жизнь—„земной бытъ не всему конецъ“; „смерть душѣ просторъ“, а вмѣстѣ съ нею рай или адъ, вѣчное блаженство или вѣчныя мученія по пословицѣ: „каковъ до Бога, таково и отъ Бога“. Все зависитъ отъ того, какъ жилъ человѣкъ въ продолженіе своей земной жизни: „что

припасешь, то съ собой понесешь“; „что душа утасла, то и на тотъ свѣтъ понесла“. Въ день страшнаго суда, часъ котораго никому невѣдомъ—„никому невѣдомъ часъ страшнаго суда“—„каждому воздается по дѣломъ его“, „комуждо по заслугамъ“, безъ всякаго лицепріятія, потому что, „предъ Богомъ всѣ равны“, „предъ Богомъ всѣ холопы“. Тогда „право пойдетъ на-право, а неправо на-лѣво“.

Царство небесное ожидаетъ тѣхъ, кто здѣсь на землѣ творилъ дѣла благотворенія: „одѣнемъ нагихъ, обуемъ босыхъ; накормимъ алчныхъ, напоимъ жаждыхъ, проводимъ мертвыхъ—заслужимъ небесное царство“. Страждущихъ, угнетенныхъ на землѣ ждетъ радость и блаженство въ загробной жизни: „на этомъ свѣтѣ помучимся, на томъ порадуемся“; „Божьи невольники счастливы“. Напротивъ, несчастивыя дѣла, грѣхи приводятъ человѣка къ гибели: „грѣхи любезны доводятъ до бездны“, а объ этой безднѣ русскій человѣкъ имѣетъ вовсе неутѣшительное понятіе, когда говоритъ: „адъ стонетъ и рыдаетъ, грѣшныхъ къ себѣ призываетъ“: „ароматы отъ мукъ не спасутъ“; „быть тебѣ въ раю, гдѣ горшки обжигаютъ“.

Постъ. Кромѣ богопочтенія и добрыхъ дѣлъ, внѣшними средствами къ достиженію спасенія служатъ постъ и молитва: „одно спасеніе—постъ да молитва“; „Богу молиться—впередъ пригодится“. Постъ состоитъ не въ воздержаніи только отъ скоромныхъ блюдъ, а въ воздержаніи отъ дурныхъ помысловъ: „постись духомъ, а не брюхомъ“; потому что „не сквернить въ уста, а сквернить изъ устъ“. Постъ возбуждаетъ радость во святыхъ и ангелахъ и имѣетъ важное умиловительное значеніе: „кто понедѣльничаетъ, возрадуется заступничеству Архангела Михаила“; „постъ приводитъ къ вратамъ рая, а милостыня отворяетъ ихъ“. Но чтобы кто не подумалъ, что можно достигнуть царства небснаго богатою милостынею, другія пословицы говорятъ: „и большою милостынею въ рай не войдешь“; „деньгами души не выкупишь“.

Молитва—также имѣетъ важное значеніе для человѣка: „молитва—полпути къ Богу (спасенію)“; „коротка молитва—Отче нашъ, да спасаетъ“.

Молитва приближаетъ человѣка къ Богу и отталкиваетъ отъ него діавола: „кто перекрестясь работаетъ, тому Богъ помощь“; „кто не окрестясь за столъ садится, съ тѣмъ ѣсть и пьетъ діаволь“. Молитва просвѣтляетъ душу человѣка и необходима для поддержанія

внутренняго мира и спокойствія: „свѣтъ въ храмѣ отъ свѣчи, въ душѣ отъ молитвы“: „молись иконѣ, да будь въ покоѣ“.

Молитва нужна не для Бога, а для человѣка: „не для Бога молитва, а для убожества“. Въ сознаніи этого-то убожества и своего безсилія русскій человѣкъ, проникнутый благоговѣйнымъ трепетомъ предъ Богомъ и твердою вѣрою въ Него, молитвенно призываетъ Бога при началѣ и концѣ всякаго дѣла: „съ Богомъ“; „благослови, Богъ, починь“; „утромъ Богъ, и вечеромъ Богъ, а въ полдень да въ полночь никтоже, кромѣ Его“, „съ Богомъ начинай и Господомъ кончай“, ибо безъ молитвы не можетъ быть и успѣхъ въ дѣлѣ: „безъ креста и молитвы не будетъ ловитвы“. Вотъ почему пословицы съ такою настойчивостью рекомендуютъ молитву: „одно трости; Господи прости!“ „одно знай: Господи, помилуй и отыми и подай!“ Самой легкой молитвой является молитва—Господи, помилуй: „Господи, помилуй!—не грѣхъ говорить и не тяжело носить“; „Господи, помилуй!—не тяжело говорить и легко носить“.

Но молитва должна быть совершаема только на добрыя дѣла и хотя говорится: „благословясь—не грѣхъ“, но другія пословицы добавляють: „лихо думаешь—Богу не молись“; „молись, а злыхъ дѣлъ берегись“; „лихо думаешь—не пошто Богу молиться“, потому что „на зло молящаго Богъ не слушаетъ“.

Хотя „молитва мѣста не ищетъ“ и можетъ быть совершаема вездѣ, однако, кромѣ частной, домашней молитвы русскій человѣкъ признаетъ для себя обязательной молитву общественную въ церкви: „дома спасайся, а въ церковь ходи!“ „Первый звонъ—чертямъ разгонь; другой звонъ—перекрестись; третій звонъ—оболокись“ (т. е. въ церковь); „первый звонъ—пропадай мой сонъ; другой звонъ—земной поклонъ; третій звонъ—изъ дому вонъ!“ Но пословица не оставляетъ безъ вниманія и того факта, что человѣкъ обращается съ молитвою за помощію къ Богу только въ трудныхъ положеніяхъ и при напастяхъ: „нужда научить Богу молиться“; „нужда богомолка“; „нужда приводитъ къ Богу“; „кто нужды не знавалъ, досыта Богу не маливался“; въ другое же время человѣкъ совершенно забываетъ о Богѣ: „въ тревогу и мы къ Богу, а по тревогѣ—забыли о Богѣ“. Небрежная молитва осмѣивается въ слѣдующихъ пословицахъ: „одному мигнулъ, другому кивнулъ, а третій и самъ догадается“; „хоть церковь и близко, да ходитъ склизко; а кабакъ далеконько,

да хожу потихоньку“; „пойдемъ въ церковь!—Грязно!—Ну, такъ въ шинокъ!—Развѣ ужь подъ тыномъ пройти?“ „Всякъ крестится, не всякъ молится“; „кто всеу Бога призываетъ, всеу свой вѣкъ проживаетъ“.

Изъ разсмотрѣннаго круга религіозно-нравственныхъ пословиць ясно видно, что въ нихъ отразились все стороны христіанскаго ученія и нашли благородный откликъ въ мягкой и отзывчивой душѣ человѣка.

Инспекторъ Черниговской (бывшій преподаватель Тифлисской) духовной семинаріи *Як. Чрединъ*.

ОСНОВЫ ВРАЧЕБНОВѢДѢНІЯ.

(Продолженіе *).

Уходъ за больными и ручныя пособія.

Очень часто въ деревняхъ больные остаются безъ призора и безъ помощи не столько потому, что имъ не желаютъ оказать ее, а потому, что не знаютъ и не могутъ придумать, какъ облегчить положеніе больнаго, какъ примѣниться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и средствамъ, чтобы при недостаточной, бѣдной и скудной обстановкѣ найти возможность сдѣлать что-либо полезное.

Первымъ вопросомъ при уходѣ за больнымъ является его *помѣщеніе*. Обстановка можетъ имѣть существенное вліяніе на ходъ болѣзни. Если для всякаго здороваго необходимы условія здоровой обстановки, то тѣмъ болѣе это необходимо для человѣка больнаго, слабаго, который менѣе можетъ противостоять вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Гибельное дѣйствіе нечистоты, сырости, испорченнаго воздуха, рѣзкихъ переѣнъ температуры и т. п. естественно гораздо скорѣе отразится на больномъ человѣкѣ, чѣмъ на здоровомъ, который еще можетъ до нѣкоторой степени бороться съ этими вредными вліяніями. Потому всякая болѣзнь при дурной гигиенической обстановкѣ будетъ имѣть болѣе опасное теченіе, чѣмъ при условіяхъ противоположныхъ.

„Кромѣ чистаго воздуха и удобнаго помѣщенія больному нуженъ

1) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экзархата», № 6-й за 1895 г.

еще *покой* или *спокойствие*. Всякій шумъ, стукъ, громкій разговоръ слишкомъ сильно раздражаютъ его нервы и вліяютъ на ходъ болѣзни въ неблагопріятную сторону. Часто, даже въ періодъ выздоровленія, неожиданный испугъ можетъ испортить все дѣло; тѣмъ болѣе это возможно во время болѣзни, когда всякое потрясеніе, или ослабленіе силъ при борьбѣ жизни со смертію, можетъ дать перевѣсъ разрушительному вліянію болѣзненнаго процесса. Покой, чистый воздухъ и удобное помѣщеніе въ борьбѣ съ болѣзною могутъ принести столько пользы, какъ и прямыя лѣкарства, почему и нужно смотрѣть на нихъ, какъ на необходимѣйшія условія для лѣченія всякой серьезной болѣзни“.

Въ болѣзняхъ заразительныхъ выборъ помѣщенія имѣетъ еще больше значенія не только для самого больного, но и для окружающихъ, такъ какъ при неразборчивомъ помѣщеніи такихъ больныхъ вмѣстѣ со здоровою семьей очень легко можетъ произойти переносъ болѣзни на лицъ, соприкасающихся съ больнымъ“.

При указанныхъ требованіяхъ относительно помѣщенія больного въ деревняхъ можно очутиться въ безвыходномъ или въ крайне затруднительномъ положеніи. Въ лѣтнее время еще кое-какъ удастся отыскать подходящее помѣщеніе для больного: пустой амбаръ, чистый сарай, палатка, бесѣдка, даже простой навѣсъ, закрытый отъ солнца, вѣтра и дождя, могутъ сослужить службу, лишь бы они были удалены отъ навозныхъ кучъ, отхожихъ мѣстъ, прудовъ и вѣчныхъ лужъ. Но въ дождливую осень и зиму, когда и условій для заболѣванія больше, въ кавказскихъ селеніяхъ не найдете требуемаго помѣщенія для больного. Поэтому не могу не поставить вамъ въ нравственную обязанность озаботиться въ вашей будущей практической дѣятельности и жизни убѣдить сельчанъ обзавестись для каждой деревни отдѣльнымъ общественнымъ домомъ — сельскою больницею, состоящею изъ одной или двухъ комнатъ. При постройкѣ такого дома — больницы озаботитесь выбрать мѣсто для него болѣе или менѣе возвышенное, сухое, не примыкающее ни къ буйволятникамъ, ни къ навознымъ кучамъ. Домъ долженъ быть высокій, съ окнами, съ поломъ деревяннымъ, настланнымъ не непосредственно на землѣ, съ печкою. Стѣны внутри лучше штукатурить и покрывать — бѣлить известью.

Отыскавъ подходящее помѣщеніе для серьезнаго больного, необ-

х одимо его, особенно если недугъ сопровождается лихорадочнымъ жаромъ и обезсиліемъ, устроить и уложить въ *постели*. Нужно избѣгать постели на полу и въ особенности на земляномъ, а лучше всего устраивать ее на кровати. При этомъ напомнимъ вамъ прошлогднее указаніе на устройство среднеазиатской гигиенической кровати, нѣсколько напоминающей вашу незатѣйливую деревенскую тахту. Среднеазиатская кровать представляетъ построенную изъ жердей раму на невысокихъ ножкахъ съ такимъ же наклоннымъ возвышеніемъ для изголовья, какъ и у тахты, но ложе вмѣсто досокъ образовано изъ переплета тонкой волосяной веревки. Такое дырявое ложе эластично-упруго, прекрасно вентилируется и не требуетъ особенно мягкой подстилки въ формѣ матраца. На такую кровать иногда достаточно будетъ подослать бурку или же вмѣсто матраца широкой холщевой мѣшокъ, легко набитый сѣномъ или саманомъ, въ изобиліи получаемымъ при здѣшнемъ кавказскомъ способѣ молотьбы хлѣба. Подъ голову, если недостаточно высоко изголовье, лучше всего подкладывать мутаку, набитую также сѣномъ или саманомъ, и ничуть не класть ношеннаго верхняго платья, въ которомъ могутъ быть вредныя міазмы, грязь и даже насѣкомыя. Постель больного должна быть возможно чистая; на ней не должно быть ни крошекъ, ни сора, ни складокъ, ни рубцовъ или другихъ неровностей, могущихъ давать на больное тѣло и производить сеадины и пролежни. Если больной не въ полномъ сознаніи и испражняется подъ себя или имѣетъ гноеточивыя язвы, то слѣдуетъ подкладывать подъ него клеенку или кожу. При нечистоплотности больного приходится часто мѣнять и начинку матраца, т. е. сѣно или саманъ. Сверху накрывать больного лучше всего какимъ нибудь домашнимъ одѣяломъ или буркою.

Подлѣ больного нужно заботиться о возможной чистотѣ. Лицо и руки его слѣдуетъ ежедневно мыть. Въ тяжелыхъ болѣзняхъ нелишне обстригать коротко волосы; при короткихъ волосахъ легче больному, удобнѣе обмывать и содержать чисто голову и въ случаѣ нужды примѣнять примочки. Послѣ тяжелыхъ болѣзней волосы часто выпадаютъ и потому жалѣть ихъ неразумно.— Для естественныхъ отправленій, т. е. за большой и малой нуждой, больнымъ неудобно ходить далеко, а для тяжелыхъ и слабыхъ больныхъ нужно имѣть подлѣ постели сосудъ (обыкновенный горшокъ, внутри лакированный),

который слѣдуетъ тотчасъ же опорожняеть и обмываетъ. Ради избѣжанія дурнаго запаха и дезинфекціи лучше вливать въ него немного карболовой кислоты или раствора и ввести, марганцовокислаго кали.

Д-ръ мед. *Мышкинъ*.

(Продолженіе будетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

СОДЕРЖАНІЕ

Мартовской книжки „Богословскаго Вѣстника“, издаваемаго Московскою духовною академіею.

Отдѣлъ I. Святаго отца нашего Кирилла Архіепископа Александрійскаго толкованіе на пророковъ Аввакума и Софонію. Святаго отца нашего Ефрема Сирина толкованіе на посланія святаго Апостола Павла. *Отдѣлъ II.* Слово на литургіи преждеосвященныхъ даровъ. *Прот. А. В. Горскаго.* Нужень-ли намъ Греческій переводъ Библии при существованіи Еврейскаго подлинника? *В. Н. Мышкина.*

Правственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія Константинопольской патріархіи (Во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкъ). *А. П. Лебедева.* *Отдѣлъ III.* Что такое раскольничій бракъ? (По поводу недавняго процесса о двоеженствѣ раскольника, обратившагося въ православіе). *Н. А. Заозерскаго.*

Изъ академической жизни. *В. А. Соколова.* *Отдѣлъ IV.* Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. О происхожденіи раскола старообрядства. (Отвѣтъ на статью священ. С. Ледовскаго: „О грековосточномъ православіи“, помѣщенную въ „Братскомъ словѣ“). *Е. Е. Голубинскаго.*

Старокатолическій богословскій журналъ. *Revue internationale de Théologie.* 1894. II-e année *С. С. Глаголева.* Библиографическая замѣтка. (Н. П. Архангельскій. Задача, содержаніе и планъ системы православно-христіанскаго нравоученія. Симбирскъ, 1894).

Г. К. О нашемъ церковномъ пѣніи. (Переложеніе литургіи св. Іоанна Златоуста, исполненное протоіереемъ С. Протопоповымъ). *В. К. В.*

Отдѣлъ V. Основное Богословіе или Христіанская Апологетика. Лекціи заслуженнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерея В. И. Добротворскаго. Протоколы засѣданій Совѣта Московской духовной академіи за 1894 годъ. Объявленія.

Портреты Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

Заведеніемъ графическихъ искусствъ Э. Маркуса (Вас. Остр. 10 л., д. 57) изданы напечатанные масляными красками, портреты Его Величества Государя Императора. Портреты эти роскошно выполнены съ оригинала молодого талантливаго художника Галкина и напечатаны въ двухъ форматахъ, — поясные — 18—14 вершковъ) и доколѣнные — (23¹/₄—16¹/₄ вершковъ), цѣною въ 3 и 5 р. Несомнѣнно, что въ довольно длинномъ ряду другихъ портретовъ — эта работа хорошо извѣстнаго заведенія графическихъ искусствъ можетъ занять видное мѣсто. Портреты схожи, исполнены художественно и отпечатаны очень хорошо; во время выставки печатнаго дѣла Э. Маркусъ будетъ экспонировать ихъ, какъ лучшее доказательство успѣховъ хромолитографскаго дѣла въ Россіи. Въ настоящее время, въ pendant къ этимъ портретамъ, уже выполняются портреты Ея Величества Государыни Императрицы.

Содержаніе № 7-го. *Часть официальная:* Высочайшія повелѣнія. Определеніе Святѣйшаго Синода. Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Объявленіе отъ редакціи. *Часть неофициальная:* Бесѣды на семь словъ Спасителя со креста, — Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Экзарха Грузіи. Слово въ день Святыхъ Пасхи. Религіозно-нравственное мировоззрѣніе русскаго народа по слову — *Як. Тредина*. Основы врачебновѣдѣнія — д-ра мед. *М. Мышкина*. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. Тифлисъ, 27 марта 1895 г. Цenz., протоіерей *Е. Емевъ*.

Типографія *Е. Хеладзе*, Лорисъ-Меликовская ул., домъ Квасцотской Георгіевской церкви № 28-й.